

AZƏRBAYCAN DEVLET ELMİ TƏDKİKAT INSTITUTU
АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

ИЗВЕСТИЯ АзГНИИ

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ и АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Том I.

Выпуск 5.

И. ПЕТРУШЕВСКИЙ

О ДОХРИСТИАНСКИХ ВЕРОВАНИЯХ КРЕСТЬЯН НАГОРНОГО КАРАБАХА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АзГНИИ

Баку

1930

дага, турецкой Армении и т. д.; необходимо выяснить их происхождение и время переселения, дабы иметь возможность установить те или иные влияния. Наша краткосрочная экспедиция не могла дать ответа на все эти вопросы. Поэтому мы сознательно отказываемся от попытки дать законченное исследование, ограничиваясь рассмотрением отдельных элементов религии карабахского крестьянина, а в некоторых случаях—только постановкой вопроса.

Предварительно заметим, что эта религия, как и всякая крестьянская вера на определенной ступени развития, не представляет собой целостного здания, построенного по единому плану. Искать системы в этом хаосе, значило бы следовать христианскому шаблону, традициям исследователей-миссионеров и монахов-мхитаристов, вроде о.о. Инчиччяна и Арсена Багратуни, пытавшихся отыскать в дрэне-армянской религии богословскую систему и следы монотеизма. Далее, нам остается повторить, что, говоря о верованиях карабахских армян-крестьян, мы имеем в виду идеологию не столько этнической, сколько социальной группы; верования карабахских крестьян армян и их соседей—турков—оседлых и полукочевых—в общем аналогичны. Их структура, в значительной степени и терминология, святыни, культ—общие. Это зависит не только от того, что значительная часть азербайджанских тюрков—отуреченные потомки различных народов древней Агвании, но и, главным образом, от общих условий социально-хозяйственного бытия и исторического развития.

Переходя к отдельным элементам крестьянской веры, отметим, прежде всего, наличие и значительную живучесть в ней очень архаических черт, представлений, которые следовало бы назвать, следуя Фирканду и некоторым другим этнографам, доанистической магией. Ряд предметов—камни, утесы, выделяющиеся своей формой или цветом, предметы церковной утвари, крестные камни и т. д. пользуются поклонением, вызывают чувства страха или надежды, но при этом представление об одухотворенном бессмертном двойнике предмета еще не развило. Предметы эти сами по себе являются носителями сил мощного действия, не персонифицированных и не поддающихся какому-либо определению. Сила эта воздействует на человека, приблизившегося на известное расстояние к предмету—носителю силы; излучение ее может быть вредоносным или благостным в зависимости от поведения человека. Ряд магических приемов может изменить действие этой силы в желательном направлении.

С почитанием таких предметов можно встретиться буквально в каждом карабахском селении. Чаще всего это кучи камней, набросанных вдоль дорог; их очень много в Дизакском районе. Путник, проходящий мимо, обязан сам бросить камень, которым он обычно запасается заранее, подходя к куче; этим он предотвратит несчастье, которое иначе неминуемо постигнет его. Об этих поверьях в свое время писалось достаточно.

Почитанием пользуются и крестные камни. Отметим Спитак—хач—„Белый крест“ близ Гадрутца, в Дизакском районе, принесенный

по преданию каким-то монахом, об'явившим о чудодейственной силе хача; хач пробовали переносить в другое место, но он каждый раз возвращался обратно; крест-камень давно исчез, остались лишь развалины церкви. С ней не связано представление о святом или духе, но само место обладает магической силой; человек, поставивший здесь свечу, может рассчитывать на исполнение своих желаний.

На склоне Татевской горы находится Котрац-хач. Это колонна на квадратном основании с обвалившейся капителью; на ней установлен крестный камень хорошей работы; на кресте изображение распятия, что вообще встречается редко на крест-камнях, надписей нет. Колонны обожжены от множества прилеплявшихся к ней свечей, вся она закапана воском, местами совсем, свежим. Несмотря на ее вполне церковно-христианскую внешность—она, вероятно, поставлена татевскими монахами,—почитание ее, как удалось установить из распросов, носит характер, вполне аналогичный описанному выше.

В церкви исторического монастыря Великий Арапат епископа Иакова (у подошвы Татевской горы, над пенящимся Базарчаем) находится каменная плита, которая, по верованиям окрестных жителей, может вызвать изменения в погоде. Стоит только, обойдя вокруг плиты и поставив свечу, полить на плиту воды, чтобы пошел дождь; разведешь на ней костер,—солнечная погода обеспечена. Уверяют, что камень никогда не заставляет просить себя напрасно. Монастырь теперь совершенно пуст, в нем живет лишь сторож-садовник. Богослужение совершается один раз в год, в церковь молиться никто не приходит, зато крестьяне часто появляются здесь—просить у камня желаемой погоды. Церковь трехнефная, базилического типа (без купола), с циркульными арками, судя по надписи построена в 1112 г. арм. эры—1663 г. н. э.; наш камень лежит на пороге выхода из левого придела в небольшой гавит. Такое же действие приписывается в Зангезуре и Карабахе многим камням.

Еще чаще с доанистическими воззрениями мы сталкиваемся, когда некоторым предметам приписывается дар врачевания. В этом отношении интересен, так называемый Красный Утес, близ сел. Кешишкенд (Хачен. район), у подошвы горы Богур-хан. Невысокая, в рост человека, глыба красноватого порфира вся закапана воском свечей. Женщины приходят сюда выпрашивать исцеление от женских болезней, а бесплодные—беременность.

Доанистические представления являются реликтовой формой более древних стадий развития и не занимают центрального места в верованиях карабахского крестьянина. Достаточно развиты уже собственно анимистические верования, получившие выражение в культе священных деревьев, гор, родников, ручьев и т. д., с которыми связаны уже представления о персонифицированных двойниках-духах: это дэвы, герои, реже христианские или охристианенные святы. Культ священных деревьев, стоящих в одиночку или группами, общеизвестен. Их можно встретить в Карабахе в любом селе, в лесах, на